

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ПОДСТАВНОЙ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Подставной киллер

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Подставной киллер / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

У настоящих оперов не бывает отпусков. Только собрался полковник Гуров маленько отдохнуть у моря, а заодно разыскать загулявшего московского кинопродюсера, как тотчас и вляпался, что называется, «на ровном месте и мордой об асфальт». Потому как продюсер, оказалось, еще и подозревается в убийстве. Вот и скрылся от правосудия в небольшом курортном городке. Но Гуров сразу почуял, что дело нечисто. Ведь приехал сюда «убийца» не просто загорать, а раздобыть денег на свою новую масштабную постановку. И обратился не к кому попало, но к самому крутому здешнему мафиози по кличке Грек. А такие за просто так никому миллионы не дают. Даже по старой дружбе. И вообще эта грязная история очень напоминает ловкую подставу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Подставной киллер

Глава 1

Столики летнего кафе были вынесены прямо на песок, поближе к морю. Можно пить вино, смотреть на прибой и слушать крики чаек. При условии, конечно, что погода будет не хуже, чем сегодня. И будет настроение все это делать. Потому что настроения может и не быть. У Дудкина, например, настроения не было, но он все равно сидел и смотрел. Пустынное утреннее море казалось ему раздробленным на миллионы осколков солнцем, ослепительно сверкающим, но холодноватым. И вообще было совсем не жарко. Свежий ветер с моря даже заставил Дудкина поднять воротник куртки – он не любил, когда дуло в шею.

В Канне сейчас то же самое, подумал он, разве что народу побольше, и море потеплее, и ковравая дорожка расстелена для победителей. А неудачники здесь. Пытаются решить проблемы не совсем традиционными способами. А впрочем, какими еще способами их можно решать, если это вообще возможно?

В его распоряжении было двадцать четыре часа, чтобы получить ответ на этот вопрос. А мечты о Канне отложить по крайней мере на год. Но только лишь отложить. Рано или поздно он взойдет по легендарным ступеням, по этой пресловутой красной дорожке – взойдет победителем, иначе вся эта возня, риск и унижения теряют всякий смысл. Он не каскадер и не экстремал, чтобы мечтать, как бы побыстрее и подешевле свернуть себе шею. Когда он умрет, за его гробом пойдет пол-Москвы, а на могиле круглый год будут лежать белые цветы. И на красную ковравую дорожку он еще обязательно вступит, но только как это будет не скоро...

Девушку в синих джинсах и простеньком черном свитере Дудкин заметил не сразу. Вообще это было для него нехарактерно – на женщин у Дудкина был особый нюх. Шум прибоя и мрачноватые мысли сбили, образно говоря, прицел. Одним словом, она застала его врасплох.

Дудкин даже слегка вздрогнул, когда за его спиной прозвучал странноватый, будто полусонный, с легкой хрипотцой голос.

– Здравствуйте! – сказала она. – Можно я к вам присоединюсь, Валентин Сергеевич?

Дудкин резко обернулся. Девушка была совсем молода, лет двадцати двух, не более: рыжеватые, спутанные ветром волосы, приятное, но не слишком примечательное лицо. Разве что глаза смотрели чересчур серьезно для представительницы «поколения пепси». Родная дочь Дудкина была, пожалуй, даже старше этой девчонки.

Впрочем, по поводу возраста Дудкин никогда не комплексовал – ни своего, ни женщин, с которыми завязывал романы. Он считал, что самым главным в отношениях мужчины и женщины должно быть право выбора. Если выбор сделан, то все остальное не имеет значения. Весь вопрос заключался в том, должен ли он делать сейчас этот выбор – момент был слишком неподходящий, да и рыжая девушка была не совсем в его вкусе. Тем более что и в этом затерянном городишке он не совсем уж одинок – здесь жила Анна, с которой жизнь сводила и разводила его, в разных комбинациях и на разных широтах, пока наконец не расставила все по местам окончательно – Анну выбросила на это тихое побережье, а он... Он накатывался сюда, как прибой, стихийно, на какое-то мгновение, и снова убегал в свое бурное море, надеясь, что никаких серьезных следов после него не осталось.

– Мы знакомы? – без особого интереса спросил Дудкин.

Скорее всего эта девушка – начинающая актриса. Видела его где-нибудь в Москве, а может быть, и вообще только в журнале. Одним словом, профессионалка. Профессия продю-

сера не предполагает, что тебя будут узнавать кондуктора в троллейбусе и продавщицы в бакалейном отделе.

– Ну, не совсем, – ответила девушка. – Но я вас знаю. А свои данные я сейчас сообщу. Меня зовут Галей. Вообще-то мне это имя не нравится, и я предпочитаю, когда меня называют Глорией. Однако люди вашего возраста не любят таких штучек, поэтому я предоставляю вам возможность выбора. Потерплю.

Дудкин нахмурился и озадаченно посмотрел по сторонам. Вокруг ничего особенного не происходило. Откуда же на его голову свалилось это странное создание?

– Простите, а с чего вы взяли, что меня интересуют ваши паспортные данные? – не слишком деликатно спросил он. – Зовитесь хоть принцессой Дианой, мне-то что? Вы чего-то от меня хотите?

– Честно говоря, хочу, – несколько не оробев, ответила рыжая. – Мне кажется, вы не очень заняты. Может быть, согласитесь ответить на пару вопросов? Я из Москвы, и я журналистка. – Она коротко рассмеялась. – Совсем неизвестная, правда... Можно, я присяду?

Села она, не дождавшись ответа, и это окончательно разозлило Дудкина. В другое время его, наверное, все-таки заинтересовала бы эта девчонка, поведение которой странным образом сочетало в себе серьезность и бесцеремонность, но теперь у него и без того хватало проблем.

– На самом деле я очень занят, – сказал он. – И ни на какие вопросы отвечать не намерен. Особенно на ваши.

В ее темных глазах промелькнула озабоченность, но голос несколько не изменился.

– Что так? – с интересом спросила она. – Я вам не приглянулась?

– Вы не отличаетесь застенчивостью, – заметил Дудкин. – Поэтому и я буду откровенен. Вы мне не приглянулись.

– Может быть, мне стоило приодеться? Но в дороге я предпочитаю простой стиль. Первым классом я не путешествую, сами понимаете.

– Мне нет никакого дела до вашего стиля, – сказал Дудкин. – Как, впрочем, и до всего остального. Если вы не против, я бы предпочел остаться в одиночестве. Мне нужно допить вино и подумать.

– А если вы не против, я бы тоже сейчас выпила, – без тени смущения сказала Галя. – Только не вина. Кофе. У них тут есть кофе?

– У них есть кофе, – сдержанно ответил Дудкин. – И масса свободных столиков, между прочим.

Девушка недоверчиво поскребла пальцем гладкую пластмассовую поверхность стола, как будто насчет здешней мебели у нее имелись некоторые сомнения, а потом, посмотрев Дудкину прямо в глаза, сказала:

– А на деле вы не оправдываете репутацию дамского угодника. Скорее наоборот. Откровенно говоря, я рассчитывала на более любезный прием. Вы еще раз меня удивили, Валентин Сергеевич!

Что-то в ее словах насторожило Дудкина.

– А когда я вас удивил в первый раз? – насмешливо спросил он. – Когда не предложил вам сесть?

– Нет, это было в Москве, – серьезно ответила Галина. – Когда вы вдруг сорвались с места и двинули сюда, на юг, хотя самые жаркие дела у вас были как раз в столице. Вам же нужно заканчивать проект, верно? Широкомасштабная постановка, блокбастер, наш ответ «Властелину колец» и прочее... Это было немного странно, согласитесь! И потом здесь...

– Подождите! – нахмурился Дудкин. – Вы, что же, шпионите за мной, скверная девчонка?

– Нет, конечно, – спокойно ответила девушка. – Обычная работа. Кстати, о вашем отъезде мне сообщили в редакции журнала. Я об этом и не подозревала, хотя ваш образ давно волнует мое девичье сердце... В профессиональном плане, конечно, – не пугайтесь. В журнале

мне предложили заняться вашим спешным отъездом. Если материал понравится, мне неплохо заплатят. Это совсем не лишнее, но вообще-то для меня главное – засветиться. Пока твое имя не мелькает на глянцевых страницах, ты все равно что мертв. Это, кстати, и к вам относится. Зря вы отказываетесь от интервью – не такая уж вы бесспорная персона.

– Ну знаете, – с угрозой сказал Дудкин. – Это уже слишком. Давайте расстанемся по хорошему, но только прямо сейчас. Иначе я за себя не отвечаю.

– Прикажете вывести меня с побережья? – с кривоватой улыбкой спросила Галина. – Вытолкать взащей? Или сами приложите руку? Я не возражаю. Какой-никакой, а материал. Для журнала не подойдет, но в желтую газету можно продать заметку.

Дудкин хотел сказать что-то резкое, но вдруг почувствовал полнейшее безразличие. Он слишком близко принял к сердцу бесцеремонность этой соплячки, повел себя как школьник, сорвался, когда нужно было просто встать и уйти. Это, конечно, нервы. Слишком многое на него в последнее время навалилось. А вообще все это чепуха, не стоящая внимания, просто нужно поскорее избавиться от этой девчонки. Подчеркнуто не замечая Галины, Дудкин махнул рукой официанту.

Подошел высокий худощавый парень, с явной примесью южной крови, почтительно наклонил голову, мельком бросил заинтересованный взгляд на девушку.

– Послушайте, уважаемый! – спросил Дудкин, протягивая ему деньги. – В вашем закусье возможно вызвать такси? Тогда я вас попрошу...

Он встал и быстро пошел в сторону павильона, широкоплечий, уверенный в себе, хорошо одетый мужчина. Любимец судьбы. Официант понимающе подмигнул нахмурившейся девушке и побежал догонять клиента.

– Сию минуту будет сделано! – жизнерадостно крикнул он ему вслед. – Машина придет через пять минут.

Дудкин вышел на асфальт по другую сторону павильона. Неширокая улица, густо усаженная по краям деревцами алычи, убегала прочь от моря в мешанину аккуратных крыш и зеленых парков – городок просто утопал в зелени. Дудкин достал из кармана сигареты и закурил.

– Может быть, хотя бы сигаретой угостите? – прозвучало у него за спиной. – Не бойтесь, в такси с вами я садиться не буду. Но шпионить не перестану. Вы мне выбора не оставляете. Я влезла в долги, чтобы сюда приехать.

Дудкин сосчитал до пяти и только потом обернулся. Девушка как ни в чем не бывало пристроилась рядом. Теперь на ней были черные очки, а в руках она вертела маленькую фотокамеру. «Как я сразу не заметил у нее фотоаппарата? – удивился Дудкин. – За пазухой она его держала, что ли?» Про себя он невольно отметил, что за пазухой у девчонки не слишком богато – маленькая грудь едва прорисовывалась под тонкой тканью свитера. «Какого черта? – тут же рассердился он на себя. – Спать ты с ней не собираешься. Какое тебе дело до ее габаритов?»

Он медленно протянул ей пачку «Винстона». Она сморщила нос, но сигарету взяла. Пришлось доставать еще раз зажигалку. Галина затянулась и по-мужски выпустила дым носом.

– Вот и напрасно вы будете за мной шпионить, – с досадой сказал Дудкин. – Это занятие не принесет вам дохода. Скорее наоборот. За вторжение в частную жизнь суд по головке не погладит.

– Будете обращаться в суд? – с надеждой спросила девушка и тут же сама себе ответила с уверенностью: – Вряд ли. Во-первых, у вас тут любовница, а даже такие плейбои, как вы, не любят домашних скандалов, а во-вторых, у вас тут что-то посерьезнее, верно?

Она смотрела на него сквозь непроницаемые очки, хрупкая, беззащитная, нахальная и вызывающая беспокойство. Дудкин с удивлением отметил, что больше всего ему хочется сейчас ее ударить. Врезать по нежной матовой коже. «Садистские наклонности в тебе прорезались, Валентин, – с мрачным юмором сказал он себе мысленно. – А вообще сдаешь ты, брат.

Суетишься, как мелкий жулик на ярмарке. Даже не пытаешься понять, что же на самом деле происходит».

Он подавил вспышку гнева и с деланным безразличием спросил:

– Что вы имеете в виду, когда говорите «посерьезнее»? Я приехал сюда по личным делам. Если угодно, навестить свою старую знакомую. Вы это хотели услышать? Как видите, я ничего не боюсь.

– Я знаю вашу знакомую, – перебила его девушка. – Эффектная женщина, незамужняя и деловая. Только на работу далековато ездить. Она ведь директор санатория, верно?

– Чем больше я с вами общаюсь, – сказал Дудкин, – тем меньше вы мне нравитесь, шпионка. Ради нескольких строчек в газете вы готовы копаться в моем белье. Могли бы найти занятие поинтереснее.

– Мне это нравится, – спокойно возразила Галина. – Да и потом, я подозреваю, что вы не стали бы тратить сейчас время на старую знакомую. В Москве поговаривают, будто ваша постановка на грани краха. У вас нет денег, вас кинули инвесторы, и у вас куча долгов. Если вы не доснимете «Золотое веретено», можно намыливать веревку... – Она с неожиданной застенчивостью посмотрела на Дудкина и добавила: – Это не я – так в Москве говорят.

Дудкин и сам знал, что говорят в Москве, но слушать это из чужих уст было неприятно.

– Ладно, хватит! – бросил он. – Про людей, которые заняты делом, всегда говорят гадости. Это удел завистников, ясно вам?

– Люди, которые заняты делом, иногда становятся банкротами, – сказала Галина. – Это обычное дело. А завистники тоже имеют право на маленькие радости. В принципе, я могла бы наплевать на ваши чувства. Мне нужно делать свою карьеру. Но из симпатии к вам я хочу сначала разобраться.

– В чем разобраться?

– Например, зачем вы встречались здесь с Аполлоном Георгиади по кличке Грек, – с невинным видом произнесла Галина. – Которого, кстати, здесь очень не любят, но за что – предпочитают не говорить...

«Мерзкая девчонка! – с тоской подумал Дудкин. – Она даже это пронюхала. Впрочем, я особенно и не скрывался. Кого мне здесь было опасаться? Откуда я мог знать, что за мной увяжется эта чокнутая? Что с ней теперь делать? Уложить в постель? Откупиться? Шантажистов это только раззадоривает. Попросить Аполлона разобраться? Нет, это совсем противно».

– Знаете что? – вдруг сказал он. – Давайте встретимся вечером и все спокойно обсудим. Вы просто застigli меня врасплох. Мне нужно собраться с мыслями.

– Да, вид у вас такой, что это не помешает, – согласилась девушка. – Где встретимся?

– Приходите в гостиницу к восьми вечера, – сказал Дудкин. – Вы уж, конечно, разнюхали, в каком номере я живу?

– Еще бы! – сказала она. – В восемь я буду как штык.

Вдали наконец-то показалось спасительное такси. Дудкин уже настолько был сыт общением навязчивой спутницы, что даже не старался казаться вежливым. Едва машина притормозила у тротуара, он поспешно запрыгнул в нее и велел водителю трогать. Галина, не шелохнувшись, смотрела вслед такси, и легкий ветер трепал ее рыжие волосы.

Дудкин вернулся в гостиницу в скверном расположении духа. Гостиница была старая и неказистая, вся пропитанная казенным духом советских времен, но бойко перенимающая скверные повадки нового времени. Неуютный одноместный номер с окнами, выходящими на базарную площадь, стоил бешеных денег, но искать частную квартиру Дудкину не хотелось. Тем более он даже не помышлял, чтобы остановиться у Анны, хотя за последние годы она обзавелась здесь прекрасным двухэтажным домиком, – это было табу. У каждого из них была своя жизнь, и соприкасались эти две жизни на очень узкой территории, границы которой нарушать не следовало.

Однако сейчас, после неприятного разговора со странной московской девчонкой, Дудкину особенно сильно захотелось увидеть Анну – всего лишь увидеть, может быть, молча посидеть рядом, а потом уйти, пообещав позвонить. Дудкин считал, что они понимают друг друга с полуслова. Но Анна работала в полузакрытом санатории в пятнадцати километрах от города. Добраться туда можно было только на машине. Дудкин бывал в этом райском местечке – белоснежные здания среди невысоких, поросших лесом гор, блаженная тишина, ласковый персонал, отличная кухня. Прекрасное место для отдыха, но просто так туда не заглянешь. Дудкин решил позвонить.

Справедливости ради надо было отметить, что связь в городке работала четко. До кабинета Анны Дудкин дозвонился сразу, но чужой суховатый голос объяснил ему, что Анна Владимировна сегодня на работе не появилась – по неизвестной причине.

– Постойте! Что значит – по неизвестной? – забеспокоился Дудкин. – Она вам ничего не сообщила?

Голос в трубке после секундной паузы поинтересовался, с кем имеет дело. Дудкин назвал, прибавив, что является очень близким знакомым.

– Не понимаю, как это так, – добавил он. – Ваш директор не выходит на работу, а вы даже не пытаетесь выяснить причин?

– Допустим, это не так, – с нажимом ответил голос в трубке. – Но я не вижу причин отчитываться перед знакомыми нашего директора. Даже очень близкими. Впрочем, если знаете, где живет Анна Владимировна, вы оказали бы нам очень большую любезность, заглянув к ней домой. Мы звонили ей, но телефон молчит. Возможно, случилось что-нибудь непредвиденное... Если сумеете что-то узнать, не сочтите за труд позвонить, хорошо? Дело в том, что у нас тут сегодня комиссия, и отлучиться в город нет никакой возможности...

На этом телефонный разговор закончился, оставив в душе Дудкина странное ощущение какой-то недоговоренности, если не сказать больше. В словах собеседника не было никакой логики. Какая комиссия смирится с отсутствием на объекте главного? И совсем глупо звучит объяснение, будто никто не может отлучиться в город. В крайнем случае, всегда можно послать какого-нибудь дворника.

Так или иначе, но теперь у Дудкина был повод заглянуть к Анне домой. До сих пор они встречались дважды, причем оба раза на нейтральной территории. По поведению Анны Дудкин сразу понял, что приглашать его в гости она не хочет. Он не настаивал. Все лучшее, что могло с ними обоими случиться, давно случилось. Больше ничего не прибавить. Теперь ему достаточно иногда видеть Анну.

Но подвернувшийся случай его обрадовал. До встречи с Греком оставалось еще пятнадцать-шестнадцать часов. Целая пропасть времени, наполненная угрызениями совести, страхами и сожалениями. При других обстоятельствах можно было бы напиться. Но сейчас нужно держать себя в руках.

Сначала он все-таки позвонил Анне домой. Телефон не ответил. Дудкин заказал переговоры с Москвой, дождался звонка и побеседовал со своим помощником, лаконично изложив ему ситуацию с журналисткой и поинтересовавшись, какие в столице новости. Новостей в столице не было. Во всяком случае таких, что могли бы заинтересовать Дудкина. Тогда он еще раз позвонил Анне – с тем же результатом. Он вызвал такси.

Усаживаясь в машину, Дудкин вдруг вспомнил про Галину-Глорию и подозрительно огляделся по сторонам. Вздорной девчонки нигде не было. «В самом деле, не может же она наблюдать за мной все двадцать четыре часа! – подумал он. – Но есть одна закавыка – она почти все разнюхала. Кто бы мог ожидать подобного от такой пигалицы?»

Он назвал водителю адрес и стал смотреть в окно. По-прежнему было солнечно, прохладно и ветрено. Этот городок почему-то не пользовался особой популярностью у отдыхаю-

щих. По сравнению с другими городами Черноморского побережья здесь всегда было слишком мало приезжих. Тем более нет их сейчас, когда погода далеко не черноморская.

Водитель остановил машину и сообщил, что они приехали. Дудкин очнулся от своих дум и убедился, что таксист совершенно прав. Он расплатился и неторопливо выбрался из машины.

– Подождать? – с надеждой спросил водитель.

– Не стоит, – махнул рукой Дудкин и пошел к дому.

Таксист все же уехал не сразу – проводил Дудкина взглядом. Здешние деловые люди, водители, торговцы и прочие, безошибочно узнавали в нем столичного жителя, лоха с тугим бумажником, и всячески старались облегчить этот предмет. Дудкин не слишком жадничал, но и деньгами не сорил. Уж кем-кем, а лохом он никогда не был.

Таксист все-таки понял, что больше ему ничего не светит, и с разочарованным видом укатил. Дудкин остановился возле невысокой ограды из красного кирпича и с любопытством за нее заглянул. Небольшой дворик был любовно усажен цветами. Наверняка разбивал клумбы профессионал. Может быть, даже из штата санатория. Налицо злоупотребление служебным положением, с усмешкой подумал Дудкин. Собственно, и сам домик, изящный, отстроенный по особому проекту, вряд ли возможно было поднять на одну зарплату. Как теперь строятся дома, Дудкин хорошо знал, но ему не хотелось соотносить это знание с именем Анны. Для него она была прежде всего женщиной. Он даже мысленно избегал называть ее деловой. Но, похоже, она именно такой и была.

Дворик был пуст. Окна в доме темны и наглухо заперты. Дудкин готов был держать пари, что хозяйки нет на месте. Он попробовал открыть калитку, но быстро убедился, что она заперта изнутри. Нашел кнопку звонка и старательно давил на нее в течение минуты. Можно было махнуть через забор – физическая форма Дудкину это позволяла, но неудобно перед соседями. Еще неизвестно, как они воспримут такой фортель.

Но в сердце Дудкина уже закралось беспокойство. В чем было дело – он не понимал. Дом выглядел вполне мирно, однако что-то Дудкина настораживало. Ему нестерпимо захотелось проникнуть в дом. Анна никогда не жаловалась на здоровье, жаловаться вообще было не в ее стиле, а годы, тем не менее, идут и не щадят даже красивых женщин. Что, если с ней случился сердечный приступ, и она не в состоянии даже дотянуться до телефона? Он не может просто так повернуться и уйти! Он должен хотя бы заглянуть в окно.

Он медленно обошел дом кругом и увидел железные ворота гаража. С тыльной стороны гараж примыкал прямо к дому и как бы срастался с оградой. Но Дудкину показалось, что между створками ворот видна узкая щель. Он подошел ближе и убедился, что не ошибся – ворота были слегка приоткрыты. Дудкин оглянулся по сторонам, будто чувствовал на себе чей-то взгляд, а потом решительно толкнул железную створку. Она ушла внутрь с легким скрипом.

Дудкин проскользнул в темноту гаража и почти сразу же наткнулся на капот «Жигулей». Машина хозяйки была на месте! Это открытие поразило его больше всего. Анна всегда предпочитала передвигаться на автомобиле. Она даже до аптеки не пошла бы пешком. Из этого следовал единственный вывод – сейчас она должна быть дома. Но в доме царил пугающая тишина, и вдобавок эти открытые ворота... У Дудкина невольно побежали по спине мурашки, однако он подавил в себе приступ малодушия. Если с Анной что-то случилось, а он даже не попытается ей помочь, то угрызения совести будут мучить его до самой смерти.

Он подождал, пока глаза привыкнут к темноте, а потом стал осторожно пробираться в сторону темнеющего прямоугольника внутренней двери. Он не представлял, что будет делать, если она окажется запертой. Но тревожное предчувствие подсказывало ему, что дверь открыта. Так и оказалось. Он толкнул ее и очутился в небольшом коридорчике, из которого можно было пройти в гостиную на первом этаже.

Дудкин не бывал в новом доме Анны, только видел его мельком со стороны и не очень представлял себе расположение комнат, но решил, что нужно подняться прежде всего наверх.

Он вошел в большую светлую комнату, окна которой выходили во двор, и сразу увидел узкую лестницу, ведущую на второй этаж. Внизу было пусто. Прикрытые шторы на окнах, со вкусом подобранная мебель, еще свежие цветы на столике – уютное надежное гнездышко самостоятельной женщины – ничего лишнего, но все легко и изящно. Привыкший считать деньги, Дудкин и тут отметил, что внутренняя отделка дома наверняка влетела Анне в копеечку. Но эта мысль возникла где-то на периферии мозга и тут же исчезла. Сверху доносился какой-то странный неестественный звук, напоминающий сигнал мобильного телефона.

Звук не умолкал ни на секунду, пока Дудкин поднимался по лестнице. Он никак не мог сообразить, что это такое. Наконец Дудкин оказался перед дверью, из-за которой слышалось это бесконечное противное пиканье. Поколебавшись секунду, он открыл дверь без стука и заглянул в комнату. И сразу увидел Анну. Запрокинув белое лицо к потолку, почти голая, она лежала возле кровати в луже собственной крови. В животе, чуть повыше пупка, торчал нож с массивной рукоятью. На столике надрылся электронный будильник.

Дудкин мгновенно покрылся испариной. Чтобы не упасть, он инстинктивно схватился за стену и некоторое время стоял, опустив голову, пытаясь справиться с нахлынувшей дурнотой. Назойливый электрический звук лез в уши и отзывался в голове тупой болью. Стараясь не смотреть на застывшее тело возле кровати, Дудкин боком добрался до будильника и, не сразу отыскав нужную кнопку, выключил сигнал. Стало тихо.

Дудкин со злобой рванул узел галстука, трясущимися руками распустил его и швырнул в угол. Дышать стало чуть легче. Ему вдруг пришла в голову дикая мысль, что Анна еще жива. Он опустился возле нее на колени и зачем-то потрогал кончиками пальцев нож. Ладонь случайно коснулась залитого кровью тела – Дудкину показалось, что оно холодное как лед. Кровь давно высохла. Он отдернул руку.

Теперь его мучила тишина. Она давила на голову и угрожающе звенела в ушах. Дудкин никак не мог сосредоточиться и решить, что делать дальше. У него только хватило сил, чтобы подняться с колен и подойти к окну. Он даже не заметил, как в зубах у него очутилась сигарета. Он лихорадочно затянулся и тут же уронил сигарету на пол. Где-то совсем рядом завывала милицейская сирена, а потом на первом этаже требовательно затрещал входной звонок.

Глава 2

– Странное дело! – сказал полковник Гуров, поворачивая ключ в замке зажигания. – Прежде, я помню, в мае всегда пахло сиренью. А нынче, сколько ни принохиваюсь, ничего, кроме бензина, не ощущаю. С чего бы это, Стас?

Его спутник полковник Крячко, крепкий, внешне простоватый и небрежно одетый, важно нахмурил лоб.

– Тому может быть несколько причин, Лева, – сказал он. – Желаете выслушать все версии?

– Время у нас есть, почему бы и не послушать? – засмеялся Гуров.

– А мы вообще куда едем? – вдруг забеспокоился Крячко. – Ты же говорил, что Мария сегодня свободна. Я так настроился, что мы все наконец сможем расслабиться в узком кругу, без оглядки на должностные инструкции и обязательства. Любимый начальник всю уже, наверное, раздувает угли для шашлыка, а твоя жена вдруг куда-то исчезает! Я понимаю, что для артистов воскресенье – не выходной, но ты же говорил...

– Ну, говорил, – ответил Гуров. – Я и сам не знал. Видишь ли, Марию тут пригласили сниматься в одном блокбастере. Какая-то волшебная сказка, со всякими там эффектами... Целиком отечественная продукция. Хотят утереть нос Голливуду.

– Да, что-то такое ты говорил, – вспомнил Крячко. – Но ведь там, кажется, все закисло?

– Да, есть маленько. Финансовые проблемы – обычное дело, – кивнул Гуров. – Но вот сегодня Марию неожиданно вызвали в офис продюсера фильма. Собственно, даже не вызвали, а попросили приехать. Она не смогла отказать. Сам понимаешь, хотя театр у нее и на первом месте, но сняться в таком широкомасштабном фильме она давно мечтала.

– Значит, съемки продолжаются?

– Да кто ж его знает? – пожал плечами Гуров. – Позвонили неожиданно, ничего толком не объяснили, убедительно просили явиться. Марии даже показалось, что звонивший чего-то недоговаривает, но не поехать, конечно, не смогла... Чтобы не терять времени, я вот за тобой сгонял, а теперь Мария позвонила – она уже освободилась.

– Значит, пикник на даче любимого начальника не отменяется? – обрадовался Крячко.

– Думаю, что не отменяется, – сказал Гуров и усмехнулся. – Впрочем, к Петру пришлось бы заглянуть в любом случае, даже без Марии. Когда генерал зовет на шашлыки, отказываться неприлично.

Они свернули на Мосфильмовскую улицу.

– Этот шедевр «Мосфильм» варганит? – деловито спросил Крячко.

– Насколько мне известно, нет, – ответил Гуров. – Какая-то независимая студия. Там всем заправляет один делец – организовал студию, павильоны, привлёк инвестиции, прокатными делами занимается. Плюс у него рестораны, типография и другие побочные доходы...

– Одним словом, наш клиент, – уверенно заявил Крячко.

– Это в тебе мент заговорил, – засмеялся Гуров. – Кстати, Мария отзывается об этом человеке весьма уважительно. Говорит, что это не просто делатель денег. У него, мол, есть настоящая художественная жилка. В молодости он мечтал о кино, но единственное, что сумел – это сделаться директором кинотеатра в Калуге. Перестройка дала его деятельной натуре массу возможностей. Он разбогател, но все деньги решил вложить в киноиндустрию. И еще он пользуется успехом у женщин.

– А, ну тогда понятно, – кивнул Крячко. – Женщины всегда уважают тех, кто пользуется у них успехом. Это замкнутый круг. И много у него денег?

– Кто же их считал? – отозвался Гуров. – В подобных случаях деловые люди предпочитают уйти от ответа. А ты, кстати, так и не ответил мне насчет запаха сирени.

– А! У меня есть что сказать, – восторженно воскликнул Крячко. – Версия первая – ты на старости лет потерял нюх. Не сыщицкий нюх, а натуральный, природный. Такое случается сплошь и рядом. Версия номер два – тебе просто не попадаются места скопления нужного тебе растения. И третья версия, основная – сирень в этом году еще не зацвела. Какая тебе представляется наиболее вероятной?

Гуров остановил машину и озадаченно покрутил головой.

– Надо же! – сказал он. – И такая простая мысль не пришла мне в голову. А ты уверен, что она действительно еще не расцвела?

– Это можно легко проверить. На генеральской даче наверняка найдется хотя бы один куст сирени. Только туда еще попасть нужно. Я надеюсь, никаких сюрпризов больше не будет? У меня уже желудочный сок начинает выделяться.

– Он у тебя всегда выделяется, – заметил Гуров. – Но мне тоже было бы неприятно остаться без генеральского шашлыка. Сейчас заберем Марию и рванем на критической скорости.

– А вот это и есть тот самый офис? – с интересом спросил Крячко, глядя на современное здание с широким мраморным крыльцом и рядом входных стеклянных дверей. Объемные золотые буквы над входом возвещали, что за дверями находится некий «Мегаполис-фильм».

– Судя по всему, тот самый, – кивнул Гуров. – Во всяком случае, второго такого же я здесь не вижу. Ты посиди пока. Я быстро.

Он вышел из машины, бодрым шагом пересек площадку напротив здания и вошел в просторный холл. За порогом его остановил охранник и вежливо, но решительно попытался выяснить, что Гурову нужно. Однако тот даже не успел извлечь из кармана удостоверение – откуда-то вдруг появилась Мария в сопровождении невысокого и неприметного человека в сером костюме и потянула Гурова за рукав.

– Пойдем-пойдем! – торопливо сказала она, успокаивающе кивая охраннику. – Это мой муж, все в порядке.

– У вас тут режимный объект, – пошутил Гуров, когда втроем они отошли в сторону.

– Посторонние нам ни к чему. Кино – это тайна за семью печатями, – объяснил неприметный человек, протягивая Гурову руку. – Иначе это уже не кино... Разрешите представиться, агент Плескалов Леонид Тимофеевич. Можно просто Лёня.

– Тайный агент? – улыбнулся Гуров, пожимая протянутую руку.

– Ах, Лёня – помощник Дудкина, его правая рука, – нетерпеливо сказала Мария. – Чтобы долго не объяснять, он всегда представляется агентом. В принципе, это тоже верно. Ты можешь не представляться – он все про тебя знает.

– Вот как? – удивился Гуров. – Значит, действительно агент. Надеюсь, он не следит за мной?

– Нет, просто я ему все про тебя рассказала, – без тени улыбки пояснила Мария. – Этого требовали обстоятельства.

– Какие обстоятельства? – удивился Гуров. – Что-то вы, ребята, недоговариваете. И смотрите как-то загадочно. Уж не стряслось ли у вас тут какое-нибудь преступление? Сразу предупреждаю – я пас. В милиции есть еще кадры и кроме Гурова. А нас с тобой ждут, ты не забыла?

Взгляд Марии поразила его – он был какой-то отсутствующий и углубленный. Так бывало, когда Мария разучивала роль или была озабочена серьезной проблемой. Гуров понял, что про шашлыки она уже категорически забыла. Он представил себе разочарованное лицо генерала, вздохнул и сказал:

– Ну, вижу, что и в самом деле что-то стряслось. Выкладывайте! Что у вас пропало? Сценарий? Сейф с деньгами?

– Дудкин пропал! – вырвалось у Марии.

Гуров поднял брови, но скромно помалкивавший Плескалов тут же добавил:

– Может быть, это чересчур сильно сказано, но, в общем-то... Не возражаете, если мы с вами обсудим этот вопрос у меня в кабинете, Лев Иванович? Я был бы очень признателен за профессиональный совет.

Гуров озадаченно посмотрел на жену. Теперь взгляд ее был просящий, жалобный, почти детский. Когда Мария смотрела именно так, Гуров был не в силах отказать. Он обернулся. В просторном холле присутствовали еще люди, и Гурову показалось, что все они с напряженным вниманием наблюдают за ходом импровизированных переговоров.

«Ну, Гуров, ты становишься популярной фигурой в мире кинематографа! – подумал он. – Как же тут откажешь?»

– Ну что с вами делать? – развел он руками. – Я готов вас выслушать. Только хочу напомнить. Совета обычно просят для того, чтобы сделать все совершенно наоборот.

– Это не тот случай, Лев Иванович, – серьезно сказал Плескалов. – Мы очень надеемся на ваш опыт. Прошу за мной!

Они поднялись в лифте на четвертый этаж и прошли в кабинет Плескалова. Кабинет был большой, оборудованный стереосистемой и домашним кинотеатром. Стены были увешаны афишами известных кинофильмов.

– Солидное у вас учреждение. Здание все ваше? – уважительно заметил Гуров. – А я даже не представлял, что у вас такой размах. Конкуренты вас, наверное, побаиваются? «Мосфильм», например?

Плескалов посмотрел на него с затаенной грустью и, немного помедлив, ответил:

– Не то слово, Лев Иванович! Если бы вы знали, на что готовы конкуренты, чтобы от нас избавиться! Но мы создавали нашу империю буквально по кусочкам, из ничего – кровью и потом, как говорится. Отдавать все это просто так, без боя?

– А что, требуют отдавать? – с любопытством спросил Гуров.

Плескалов покачал головой.

– Не то что требуют, – ответил он. – Действуют тихой сапой, но весьма эффективно. Не стану от вас скрывать, с некоторых пор у нас начались крупные неприятности...

Он замолчал и уставился на Гурова, будто ожидал, что продолжать рассказ будет он. Гуров покосился на жену, потом опять обернулся к хозяину кабинета и рассудительно заметил:

– Леонид Тимофеевич, давайте расставим все точки над «i», ладно? Я вас за язык не тянул. Признаться, я рассчитывал провести сегодняшний день на природе, с женой, с друзьями. На время забыть о проблемах, понимаете? Вы просите у меня совета. Отлично. Я готов его дать. Но давайте не размазывать кашу по тарелке. Если опасаетесь, что я разглашу ваши коммерческие тайны, давайте лучше сразу разойдемся.

– Я вас понял, Лев Иванович, – наклонил голову Плескалов. – Действительно, я избрал не слишком правильную линию поведения. Но вы поймите мое положение. Коммерческие тайны «Мегаполис-фильма» принадлежат не мне одному... Впрочем, к черту оправдания! Я постараюсь все объяснить. Итак, у нас начались неприятности. Вы представляете себе процесс кинопроизводства?

– Ну, в общих чертах, наверное, – сказал Гуров.

– Да, впрочем, у вас жена – актриса, – слабо улыбнулся Плескалов. – Одним словом, кинематограф – это прежде всего деньги. У вас могут быть идея, сценарий, энергия, но без больших денег у вас ничего не получится. И еще – вы можете вбухать миллионы в ленту, которая не принесет вам ни гроша. Это очень рискованный бизнес. До сих пор нам удавалось выходить победителями. Но вот Дудкин задумал эту постановку – вы наверняка в курсе – волшебная широкоформатная сказка, новейшие технологии, блестящие актеры, огромные вложения... Честно говоря, у меня сразу были некоторые сомнения, но Валентин Сергеевич их развеял. Он очень увлекся своей идеей...

– Давайте все-таки ближе к делу, – перебил его Гуров. – Вы начали с того, что ваш Дудкин пропал. Давайте с этого и начнем.

Плескалов нахмурился, замолчал и переглянулся с Марией. Та поспешила прийти ему на помощь. Взяв Гурова за руку, она сказала:

– Послушай, Лева, никто ничего толком не знает. Мы предполагаем, что Дудкин пропал, потому что он уже три дня не выходит на связь.

– Он что, в тылу врага? – удивился Гуров.

– Валентин Сергеевич уехал на юг, – пояснил Плескалов. – Уехал один. У нас была договоренность, что он обязательно будет ежедневно мне звонить. Он так и делал до определенного момента. Потом звонки прекратились. По некоторым соображениям Дудкин решил не брать с собой спутниковый телефон, звонил по междугородке. Мы, конечно, могли бы послать на его поиски своих людей, но поскольку вспомнили, что у артистки Строевой муж – оперативник, то решили сначала выяснить ваше мнение обо всем этом. Мнение профессионала.

– Спасибо за доверие, – сказал Гуров. – Теперь по порядку. С какой целью Дудкин поехал на юг?

– Скажу откровенно, но не для протокола, – ответил Плескалов. – Валентин Сергеевич отправился добывать деньги. Если бы это ему не удалось, наша фирма наверняка погибла бы. Практически мы банкроты. Мы говорили тут о конкурентах. Так вот, конкуренты не дремали. Наше финансовое положение просто катастрофическое. Ни один банк не дает нам кредита, ни один денежный мешок не желает рисковать своими капиталами. К нам вдруг начали предъявлять претензии все, кто раньше охотно с нами сотрудничал. Более того, начала разваливаться съемочная группа! Но так работать нельзя! Практика кредитования существовала всегда. Всегда были какие-то правила. Платежи всегда можно было отсрочить, договориться о процентах... Но когда сегодня тебе дают деньги, а уже завтра требуют обратно – это полный абсурд. Нас просто хотят выжить с рынка!

– Печальная картина, – согласился Гуров. – Значит, на самом деле вы – настоящие изгои? За роскошным фасадом царят уныние и паника?

– Это было похоже на снежный ком, – объяснил Плескалов. – Сначала ничто не предвещало беды. Потом нам отказали в одном кредите, в другом... Об этом прослышали, и тут началось... Каждый старался лягнуть нас побольнее. Еще бы, до сих пор мы считались самым удачливым кинопредприятием. Слава богу, еще не до всех дошло, что мы на грани...

– Так, понятно, – сказал Гуров. – Значит, здесь Дудкину помочь никто не захотел, и он отправился за деньгами на юг. Интересно, что за Эльдorado такое?

– Я сам многого не знаю, – хмуро отозвался Плескалов. – Да и не хочу говорить лишнего. Одним словом, Валентин Сергеевич решил прибегнуть к помощи людей, гм... как бы это сказать?

– К помощи криминальных структур, – подсказал Гуров.

– Можно выразиться и так, – с облегчением кивнул Плескалов. – Извините, но подробностей этой акции я не знаю. Валентин Сергеевич целиком взял все на себя. Повторяю, он отправился на юг в одиночку. Он опасался, что конкуренты могут что-нибудь пронюхать, и постарался сделать все как можно незаметнее.

– Однако я сама слышала про отъезд Дудкина, – вставила Мария. – В коридоре Дома актера. Это не было тайной.

– К сожалению, – заметил Плескалов. – Но дальше догадок дело не шло. Маршрут Дудкина был известен только ему и мне. Он взял билет до Сочи. Этот факт сам по себе ничего не значит. Мало ли кто ездит в Сочи?

– Сейчас таких людей стало меньше, – сказал Гуров. – Так, насколько я понял, Дудкин в Сочи не задерживался?

– Нет, его целью был один маленький городок на побережье, в сорока километрах от Сочи. Называется Каменка. Туда он добрался автобусом. Старался сделать все незаметнее. Дудкину казалось, что это ему удалось.

– Что значит «казалось»?

– Десятого мая он позвонил мне в последний раз. Из своего гостиничного номера. Он был раздражен – сказал, что в Каменку добралась какая-то московская журналистка и теперь допрашивает его, следит за каждым шагом.

– Что за журналистка?

– Он не называл ее имени. Просто сказал, что какая-то наглая девчонка, из начинающих. Он говорил очень недолго. По-моему, ему просто нужно было излить раздражение – наутро у Дудкина была запланирована решающая встреча...

– Встреча с кем? – резко спросил Гуров.

Плескалов мучительно сморщил лицо, словно у него болел зуб, а потом сказал со вздохом:

– Лев Иванович, я этого человека не знаю, но Дудкин утверждал, что он богат как арабский шейх. Правда, у этого человека настолько плохая репутация, что даже сейчас он не в состоянии в полной мере насладиться своим богатством. Там у себя он царь и бог. Но его мечта – войти в московскую элиту, а элита старается держаться от него подальше. Так говорил Дудкин. За такую возможность этот человек готов платить любые деньги.

– Интересно, – сказал Гуров. – И вы не знаете, что это за человек?

– Знаю только кличку – Грек, – сказал Плескалов. – Это все.

– И что же общего у кинодеятели Дудкина с этим греком, которого даже в приличное общество не пускают? – поинтересовался Гуров.

– Я точно не знаю, – замялся Плескалов. – Я работаю у Дудкина относительно недавно. Ходят слухи, что в самом начале своей коммерческой карьеры Дудкин был тесно связан с Греком. Они занимались торговлей цветами, кажется. Трейлеры с юга, десятки тысяч бутонов и все такое... Потом, говорят, у Грека начались неприятности, и они расстались. Валентин Сергеевич к тому времени уже встал на ноги и смог заняться делом, которое любил с детства. Вы знаете, что он в молодости мечтал о режиссерской карьере? Продюсер – это, конечно, в нашем здешнем понимании – не режиссер, не Феллини, не Вендерс с Тарантино, но вот, например, на западе продюсер – фигура зачастую даже более культовая...

– Ну, в данной ситуации ваш Дудкин мало похож на культовую фигуру, – обронил Гуров. – Поэтому давайте сменим тему. Значит, в попытке предотвратить крах своего концерна Дудкин отправляется на юг просить денег у некоего криминального деятеля – подробности этой деятельности уточнять пока не будем – и вдруг исчезает. От него ни слуху ни духу?

– Именно так, – с трагической интонацией подтвердил Плескалов. – Что было, то было, из песни слова не выкинешь. И что нам теперь, по-вашему, делать?

Гуров понял, что попал в ловушку. С одной стороны, его мало интересовала печальная история незнакомого дельца, возможно и талантливого, но не слишком щепетильного, но, с другой стороны, этот делец собирался своим гениальным фильмом утереть нос Голливуду, и в этом фильме должна была играть Мария. А она очень этого хотела.

– Озадачили вы меня, Леонид Тимофеевич, – с некоторым удивлением сказал Гуров. – Просите у меня совета, когда ситуация совершенно однозначная. Если вы уверены, что ваш работодатель пропал, вы должны обратиться с официальным заявлением в милицию.

– Лев Иванович! – с надрывом произнес Плескалов. – Я все понимаю! У вас свои проблемы. У вас инстинктивная неприязнь к бизнесменам. Но подумайте о том, что половина фильма уже снята. Прекрасного фильма! На самой современной пленке! Великолепным оператором!.. Эх, да что там! Ведь в нем играет ваша жена! И как играет!

Это был буквально шквал эмоций. Сдержанный и невыразительный Плескалов раскраснелся и принялся размахивать руками.

– Я уже объяснил про наши трудности, – горько сказал он. – И вот представьте, что будет, если мы обратимся в милицию. Дудкин пропал! Уже завтра нас просто растопчут ногами...

– Наверное, вы по-своему правы, – согласился Гуров. – Но ничего иного я предложить не могу. Это обычная процедура. Разве что могу замолвить за вас словечко, чтобы с этим делом не тянули.

Плескалов тревожно посмотрел на Марию, нервным жестом сплел пальцы и уставился Гурову прямо в глаза.

– Это не совсем то, на что мы рассчитывали, – с бесцеремонной прямоотой заявил он. – По правде говоря, я надеялся, что вы сами сумеете принять участие...

– В чем? В поисках вашего шефа? – удивленно воскликнул Гуров. – Простите, уважаемый Леонид Тимофеевич, но с утра у меня таких планов не было.

Он опять ощутил прикосновение нежной женской ладони.

– Лева, он и мой шеф тоже, – тихо сказала Мария. – И вообще это хороший, целеустремленный человек. Если с ним что-то случится, огорчены будут многие.

Гуров почти беспомощно посмотрел на жену.

– Ты тоже хочешь, чтобы я лично принял в этом участие? – недоуменно спросил он. – Но это же невозможно. Сочи далеко. У меня масса работы. А кроме того... – Он многозначительно посмотрел на Плескалова. – То, что я здесь услышал, не очень убеждает в порядочности Дудкина. Даже в его деловых качествах не убеждает. Буду откровенен, мне не нравится эта история.

– Нам она тоже не нравится, – печально сказала Мария. – Но что же поделать? У бизнеса свои законы. Просто Дудкина по-человечески жалко. Это талантливый человек. В двух словах я не смогу тебе этого объяснить, я просто прошу тебя поверить мне. Если он попал в какую-то передрагу, ему самому не выбраться. Ты же слышал – все только и ждут, когда он пойдет ко дну. Весь киношный мир замер в предчувствии сенсации. Это так омерзительно!

– Да уж чего хорошего! – поддакнул Гуров. – И все же не понимаю, чем я конкретно могу помочь в этой ситуации?

– Ты мог бы съездить в эту... в Каменку, – сказала Мария. – Узнать, что там произошло.

– Можно не ездить, – заметил Гуров. – Существует телефон, почта...

– Лев Иванович! – взмолился Плескалов. – Вы никак не уловите этот маленький нюанс – малейшая огласка для нас смерти подобна! Здесь нужно действовать тонко и непременно частным порядком.

– Вы что же, в частные детективы меня нанимаете? – с иронией спросил Гуров.

– А вы решительно против? – с беспокойством спросил Плескалов. – Мы согласны заплатить любую сумму, какую вы запросите. В пределах разумного, конечно.

– Вот как? А говорите, что банкроты, – засмеялся Гуров.

– В данном случае денег жалеть не следует, – заметил Плескалов. – Мы оплатим вам все дорожные расходы по высшему разряду плюс хороший гонорар. Какая ваша цифра?

Гуров опять засмеялся.

– Вот уж не думал, что в воскресенье можно заработать хорошие деньги, – сказал он жене. – Однако какую же сумму мне запросить, как ты думаешь?

Мария не приняла его шутиливый тон.

– Деньги здесь ни при чем, – довольно резко сказала она. – Думаю, ты меня понимаешь. Я бы никогда не решилась беспокоить тебя по пустякам. Но ты настоящий сыщик, профессионал, и только ты можешь сейчас нам помочь. Если хочешь, можешь считать, что помогаешь именно мне.

– Ну, если ты так ставишь вопрос, – развел руками Гуров. – Тогда мне только и остается, что выкинуть белый флаг. Но ты забываешь одну существенную деталь. Я все-таки не частный сыщик. У меня есть начальство, есть обязательства...

– Начальство я беру на себя, – решительно заявила Мария. – Ведь мы сейчас едем к Петру на дачу? Я в пять минут уговорю его дать тебе отпуск.

Гуров задумчиво и слегка смущенно посмотрел на нее.

– Тогда уговаривай, чтобы он отпустил заодно и Стаса, – пробурчал он. – Мы врозь уже не можем. Срослись, как эти... А вы, Леонид Тимофеевич, раскошеливайтесь на двоих! От гонорара мы отказываемся, но накладные расходы – ваши. По высшему разряду, не забудьте.

– Это как же без гонорара? – слегка даже растерялся Плескалов. – Это не деловой разговор. Вы, может быть, полагаете, что мы не сможем заплатить вашему коллеге? Это не так. Оплатим с удовольствием. Нам так даже спокойнее. С большей вероятностью можно рассчитывать на результат.

– А вот насчет результата не торопитесь, – предупредил Гуров. – Пока еще все вилами на воде писано. Я лично ничего особенного от этой поездки не жду. Грубо говоря, мы можем вообще ничего не найти. Или ваш Дудкин объявится сам. Всякие возможны варианты. Мне, кстати, эта затея представляется, извините, глупой. И я бы ни за какие деньги в нее не ввязался.

– Ввязались же? – мрачновато, но с надеждой буркнул Плескалов.

– Токмо волею пославшей мя жены... – улыбнулся Гуров.

Глава 3

Дудкин понял, что испуган насмерть. Никогда прежде он не был так напуган. Перехватывало дыхание, бешено колотилось сердце, немели ноги. А хуже всего, что отказывалась работать голова. В таком состоянии ничего, кроме глупостей, наделать нельзя. Это Дудкин еще был способен сообразить.

– Спокойно! – хрипло сказал он сам себе, рыща взглядом по углам спальни. – Тебе надо успокоиться и придумать, как выпутаться... Спокойно!

На цыпочках он выбрался из спальни на балюстраду и посмотрел вниз на окна гостиной. От вида людей в сизой милицейской форме ему чуть не сделалось дурно. Инстинктивно Дудкин схватился за перила. Милиционеры с деловитостью муравьев рыскали по двору, обнюхивали клумбы, пытались заглянуть в окна. Кто-то, не отрывая пальца от кнопки, звонил и звонил в дверь.

Дудкин не помнил, как оказался в соседней комнате. Кажется, это был кабинет. Почти автоматически он набрел на бар, в котором обнаружил открытую бутылку коньяка. Прямо из горлышка сделал несколько крупных глотков, и только когда хмель ударил ему в голову, Дудкин чуть-чуть успокоился. Он оглянулся по сторонам, и его неожиданно удивило то обстоятельство, что кабинет находится в полном порядке. Никаких следов грабежа. Не взломана ни одна дверца, не тронута ни одна безделушка. Судя по всему, убийцу не заинтересовал даже небольшой стальной сейф, вделанный в стену.

«Кто же тебя убил, Анна? – тоскливо подумал Дудкин. – За что? И что прикажешь теперь делать мне?»

Решать это предстояло ему самому, и как можно быстрее. Через несколько минут милиция найдет вход в гараж и будет здесь. Дудкина они, конечно, арестуют, и все его планы пойдут прахом. Как бы ни закончилось следствие, он уже не сможет оправиться. Боже, как глупо все получилось!

Дудкин решил, что нужно сматываться – как угодно, но сматываться. Бежать. Потом будет видно, что делать. Сейчас главное – остаться на свободе.

Он опять вышел на балюстраду. То, что он увидел, поразило его до глубины души. Кажется, милиция, не мудрствуя лукаво, решила вскрыть входную дверь – с замком уже возился какой-то мужик в штатском. Где-то у крыльца маячили испуганные понятые – буква закона была соблюдена.

Дудкину вдруг пришла в голову безумная мысль. Он вернулся в кабинет и довольно быстро нашел то, что хотел найти. Связка ключей лежала на столе, на самом виду. Дудкин сгреб ее, вышел и осторожно пробрался вдоль стены к лестнице. Потом спустился по ступенькам и проскользнул в коридор. Едва он сделал это, как послышался шум открываемой двери, и на пороге загремели тяжелые шаги. «Есть кто-нибудь?» – зычно гаркнул мужской голос.

Обливаясь потом, Дудкин ворвался в гараж. Он действовал уже без оглядки, чувствуя на затылке ледяное дыхание погони. В голове у него был кавардак.

К его удивлению, в гараже никого не было. Дудкин трусцой подбежал к воротам и уже намеревался выскочить наружу, как вдруг услышал, как совсем рядом кто-то произнес:

– Слышь, Иваныч! А ведь у нее тут гараж! И вроде ворота даже открыты. А мы там в двери ломимся! Поди начальнику скажи, а то потом окажется, что звонок был ложный, и хозяйка жалобу накатает, что ей замок сломали и еще что-нибудь...

– Ладно, пойду скажу, – лениво отозвался невидимый Иваныч. – Только они сломали уже, наверное.

– А ты все-таки скажи. А я тут пока погляжу.

Дудкин сжал в руке ключи. Он чувствовал, что они ему понадобятся! Отступив в темноту, Дудкин на ощупь нашел дверцу «Жигулей» и, стараясь не шуметь, отпер ее. Потом он скользнул на сиденье водителя, сунул ключ в замок зажигания и замер. Это действие не привлекло ничьего внимания, потому что одновременно с грохотом растворились ворота гаража. Яркий свет ударил Дудкину в лицо и заставил на секунду зажмуриться.

Открыв глаза, он увидел в проеме ворот размытый силуэт коренастого милиционера с автоматом через плечо. Тот неторопливо осматривался, но, кажется, не замечал пока Дудкина.

«Через минуту их здесь будет пять или десять, – лихорадочно подумал Дудкин. – И тогда мне конец. Нужно решаться. Будь что будет».

Он вдруг понял, почему милиционер его не видит. Анна отличалась пристрастием к тонированным стеклам. Здесь, под крышей, в машине вообще ни черта не увидишь. «Это мой шанс, – решил Дудкин. – Поехали!»

Не сводя глаз с милиционера, он медленно повернул ключ в замке. Руки и ноги действовали дальше сами, без его воли – сцепление, передача, газ, – автомобиль взревел и прыгнул вперед, прямо на изумленного стража порядка, который едва успел выскочить из-под колес. «Ну, давай! – прошептал, бледнея, Дудкин, вцепившись в рулевое колесо, как в спасательный круг. – Жми, родная! Выноси!» Вылетев из гаража, он круто переложил руль, с визгом развернулся и помчался по пыльной улице, не разбирая дороги, думая только о том, как бы уйти подальше. Тихая улица с аккуратными домиками, прячущимися в садовой листве, превратилась в сплошную зеленую полосу.

На его счастье, прохожих было немного, и он никого не сбил. Без остановки Дудкин промчался до самого конца улицы и здесь совершенно инстинктивно свернул с асфальта на узкую грунтовку, скрывавшуюся в густом кустарнике, – ему хотелось спрятаться, скрыться с глаз, а заросли создавали иллюзию безопасности.

На самом деле опасность была совсем рядом – более того, она приближалась. В воздухе метался пронзительный вой милицейской сирены. Стражи порядка давно опомнились и бросились в погоню.

Подпрыгивая на кочках, «Жигули» прорывались сквозь кустарник. Дорога с каждым метром все более сужалась, и колючие ветви уже вовсю царапали обшивку и стекла автомобиля. Неожиданно левое переднее колесо «Жигулей» с ужасающим треском провалилось в яму, Дудкин больно ударился грудью о руль, задохнулся и на мгновение потерял над собой контроль. Мотор заглох.

Потом он некоторое время сидел не двигаясь и тупо вслушивался в отдаленное завывание сирен. Впрочем, не такое уж и отдаленное. Выигрыш во времени, который у него был, милиция наверстает быстро. А ему в прямом смысле этого слова придется уносить ноги. Анна погибла, а теперь накрылась и ее машина. Надо же было попасть в такой переплет, с тоской подумал Дудкин. Когда в Москве об этом узнают, то лопнут от смеха. Дудкин, продюсер и бизнесмен, фигура в мире кино несомненная, точно кролик бежит от милиции, и земля горит у него под ногами.

Может быть, все это не случайно? Уж слишком четко в его жизни наметилась черная полоса. Те люди, с которыми он вчера сотрудничал и, казалось, говорил на одном языке, сегодня вдруг становились уклончивыми и скользкими как рыбы, ссылались на обстоятельства, улыбались, но отделялись лишь туманными обещаниями. Никто больше не хотел вкладывать деньги в проекты Дудкина. У него создавалось впечатление, что его хотят вытеснить с кинорынка, воспользовавшись трудностями, которые обрушились на него, когда он взялся за постановку грандиозного блокбастера. Это было его слабым местом – для дельца он был слишком увлеченным человеком. В мечтах он видел, как его новый фильм триумфально шествует по всему миру, собирая все мыслимые награды и премии, и это предопределило неудачу. Он переоценил свои силы и возможности.

У Дудкина оставалась одна надежда – ему должен был помочь Грек. Его деньги были грязными, но Грек давно знал Дудкина и не стал бы скупиться. Конечно, на таком пути потери были неизбежны, но все-таки это лучше, чем потерять все. Они с Греком почти договорились, и вдруг это убийство, и все пошло прахом. «А может быть, все это неспроста? – подумал Дудкин. – Может быть, кто-то провернул все это, чтобы окончательно меня похоронить?»

Дудкину хотелось хорошенько все обдумать, но времени у него для этого не было. Он вдруг сообразил, что если будет сидеть на одном месте, его найдут в два счета. Дудкин выругался и стал выбираться из машины. Дверца упиралась в пружинящие ветви кустарника и никак не хотела открываться. Дудкин налег плечом и кое-как продрался наружу.

Он протиснулся между «Жигулями» и зеленой колючей стеной и увидел, что, собственно говоря, дорога все равно уже закончилась и ехать дальше было некуда. Сквозь заросли вела совсем узкая тропинка, по которой мог пробраться только один человек. Куда она ведет, Дудкин, естественно, не знал, но где-то за его спиной, совсем рядом, уже слышались приближающиеся голоса, и он, не раздумывая, бросился вперед по тропе.

Жесткие ветки царапали его по лицу, он спотыкался на кочках, задыхался, но упорно бежал вперед. Иногда он останавливался и вслушивался в тишину, которая нарушалась только его хриплым дыханием. Сирены смолкли, не слышно было голосов за спиной, и у Дудкина появилась надежда, что он сумеет оторваться от погони. Однако для большей уверенности он вдруг по наитию свернул с тропы и со звериной настойчивостью стал продираться сквозь кусты – разумеется, не имея никакой ясной цели, наугад, стремясь лишь запутать преследователей.

Его роскошному пиджаку здорово досталось, но Дудкин не обращал на это внимания. Кустарник казался бесконечным, и после получаса блужданий в зарослях Дудкина охватило беспокойство. Он не представлял, где находится и куда попадет, когда выберется из зеленого месива. Он всегда заботился о своей форме, но сейчас чувствовал почти невыносимую усталость – кроме физического напряжения, он испытал сегодня сильнейший стресс, и это сыграло свою роль.

Постепенно Дудкин сбавил скорость и продолжал путь с удручающей медлительностью, часто останавливаясь и переводя дыхание. Конца зарослям по-прежнему не было видно. Синевя неба сделалась гуще и потеряла прозрачность, а воздух вокруг наполнился сумеречным предвечерним светом. Дудкин подумал, что когда стемнеет, ему придется совсем туго, и решил удвоить усилия.

Теперь он был почти уверен, что оторвался от погони – важно было решить, куда податься дальше. В гостинице он зарегистрировался под своим именем, и там остался его чемодан. Если милиции известно, что именно он был в доме Анны, то в гостинице его уже ждут. Но откуда им знать? Он, конечно, идиот и оставил на месте преступления отпечатки своих пальцев, но, чтобы идентифицировать их, нужно время. Когда он входил в гараж, его как будто никто не видел. Из всего этого следует, что ему нечего опасаться и, может быть, самое разумное вести себя так, словно ничего не случилось. А завтра он встретится с Аполлоном, решит свои дела и уедет.

Однако в этой схеме что-то настораживало. Дудкин никак не мог понять – что. Ему нужно было успокоиться и отдохнуть, чтобы хорошенько все обдумать. Но прежде надо было выбраться из этих чертовых зарослей.

Выбрался он совершенно неожиданно для себя. Протиснувшись в очередной раз сквозь мешанину ветвей, Дудкин вдруг наступил ногой в пустоту, потерял равновесие и с коротким криком полетел вниз. Падал он недолго, но беспорядочно, перевернувшись, наверное, раз десять вокруг собственной оси. Наконец, ударившись чувствительно о плоский камень, Дудкин остановился и несколько секунд лежал оглушенный и обессиленный, уткнув лицо в землю.

Потом он заставил себя подняться и обнаружил, что находится на дне узкого извилистого оврага, склоны которого густо заросли кустарником и молодыми деревьями. Внизу пахло сыро-

стью и вилась мошкара. Дудкин даже приблизительно не смог бы сейчас сказать, где находится. Он неважно знал город, а уж окраины и подавно. И все-таки нужно было как-то выбираться.

Поднялся он по противоположному склону. Наверху тоже рос кустарник, но уже не такой густой, и вскоре перед Дудкиным открылось широкое безлюдное пространство, быстро погружавшееся в сумерки. Впереди метрах в двухстах он увидел шоссе, по которому время от времени проносились автомобили. Справа темнела роща, а за ней белела деревенька. Чтобы вернуться в город, нужно было двигаться в сторону шоссе.

Дудкин кое-как почистил одежду и побрел к дороге. В голове у него стоял туман, во рту горело, будто он хлебнул перечной настойки. Дудкин вдруг почувствовал себя катастрофически одиноким и никому не нужным. Сейчас он пожалел, что отправился в эту поездку один. Он хотел обойтись без свидетелей, но именно свидетели теперь были ему нужнее всего.

Остановившись на обочине, Дудкин проверил карманы – паспорт и бумажник были на месте. Часы показывали девять. Он вспомнил, что час назад должен был встретиться с настырной девчонкой в гостинице. Если она завалится к нему в номер, а там будет засада, то кое-какой материальчик для своего журнала она определенно наскребет. Сенсация ей обеспечена. Сам он так пока и не решил, как ему дальше действовать. В гостиницу он идти боялся.

Дудкин тормознул грузовичок, кузов которого был набит ящиками с минеральной водой, и попросил отвезти его в город. Шофер, кажется, несколько не удивился, но содрал с Дудкина не меньше, чем если бы вез его на «Кадиллаке».

Не доехав до центра, Дудкин вышел. Он бесцельно побродил по переулкам, выкурил две сигареты, а потом вдруг увидел приоткрытую дверь, ведущую в подвальчик, и надпись над ней: «Малина-ресторан». Из подвальчика вырывался аппетитный запах жареного мяса, и Дудкин понял, что смертельно голоден. Он сделал шаг вперед, и, будто по команде, из-за двери появился смуглый тучный человек с разбойничьими усами. На голове его красовался грязный поварской колпак. Человек посмотрел на Дудкина, подмигнул ему и сказал с акцентом:

– Заходи – повеселимся!

К веселью Дудкин был совсем не расположен, но есть хотелось невыносимо. Он кивнул усатому и спустился в подвал.

Не слишком обширное помещение было набито битком. Характерная внешность и повадки посетителей сразу навели Дудкина на мысль, что название свое ресторанчик получил отнюдь не случайно. Повсюду стеной висел табачный дым, звенели пивные кружки, звучала пьяная брань. Дудкин подумал, что слишком поторопился, зайдя сюда. Но его уже подпирал сзади веселый повар, бархатно журча ему в ухо:

– Проходи, дорогой, не стесняйся! У меня кухня – лучшая на всем Черноморском побережье! Спроси хоть в Сухуми, хоть в Сочи, где надо кушать? И тебе все скажут – у Ашота в ресторане надо кушать!

Растопыренной ладонью он доброжелательно подталкивал Дудкина все дальше в зал, явно не желая упустить выгодного клиента. Сидящие за столиками люди оборачивались, с любопытством таращились на Дудкина, приветственно махали кружками и бокалами. Повар Ашот благосклонно улыбался и всем советовал: «Пей, дорогой, не печалься! Все в порядке!» Обстановка была почти домашняя.

Однако Дудкину с каждой минутой нравилось здесь все меньше. Публика в ресторане не вызывала у него доверия. И все-таки он шел дальше, ласково, но решительно направляемый гостеприимным Ашотом, потому что боялся привлечь к себе внимание. Еще неизвестно, что его ждало за стенами этой «малины».

– Ты, дорогой, не местный, я вижу, – доверительно сообщил ему вдруг Ашот. – Издалека приехал. Правильно сделал, между прочим. Ко мне зашел – еще правильнее сделал. Будешь внукам рассказывать, как ужинал у Ашота! Ты не волнуйся, я тебя не здесь посажу. У меня для хороших людей кабинет имеется. Обслужу по высшему классу. Люкс!

Впрочем, комната, куда он привел Дудкина, на люкс не слишком походила. Это было тесноватое помещение с узким окошком под потолком, выходившим, кажется, во двор. На стене висела огромная картина, изображавшая жирные кисти фиолетового винограда в соломенной корзине. Посредине стоял стол, накрытый скатертью. В узкой стеклянной вазе торчал одинокий цветок. Дудкин, уже смирившийся, с облегчением опустил на мягкий стул и машинально закурил сигарету.

– Что у вас в меню? – хрипло спросил он.

Ашот счастливо засмеялся.

– Какое меню, дорогой? – весело спросил он. – Ты у меня в гостях. Сейчас вино принесу. Эклюзив! Сейчас это так называется. Барашка тебе принесу, сам выбирал... Салат принесу фирменный, зелень – сам выращивал. Такого ты нигде не попробуешь!

Дудкин не стал спорить. Ему было неважно, врет Ашот или он и в самом деле сам выращивал зелень. Сейчас главным было подкрепить силы. Дудкин благосклонно кивнул заботливо суеющемуся вокруг него Ашоту, и тот немедленно убежал, пообещав обернуться в мгновение ока.

Дудкин был настолько измучен и расстроен, что никак не мог собраться с мыслями. Его убаюкали аппетитные запахи, тепло и преувеличенная забота Ашота. Тот, конечно, актерствовал, но делал это совсем неплохо. Дудкину приходилось принимать личное участие в подборе актеров, и кое-что он в этом смыслил. Ашота можно было смело брать в любую постановку. Колоритный был персонаж.

Дудкин не успел докурить сигарету, как Ашот уже вернулся – в сопровождении официанта, молчаливого невзрачного парня в грязноватой белой рубашке с бабочкой. Дудкин уже обратил внимание, что на гигиену в этом заведении смотрели сквозь пальцы, и решил, что ему следует относиться к этой особенности так же хладнокровно. В конце концов, дымящаяся жареная баранина, которую принесли жрецы «лучшей на Черноморском побережье кухни», выглядела действительно великолепно. Вино, которое Ашот лично налил в бокал из высокой оплетенной бутылки, заманчиво играло рубиновыми бликами. У Дудкина закружилась голова.

– Кушай, дорогой! – умильно сказал Ашот, складывая руки на большом животе. – Тебе никто не будет мешать. А если что-нибудь понадобится – только выгляни в коридор. Я всегда рядом.

У Дудкина уже не было сил разговаривать. Он только кивнул и сразу набросился на еду. Ашот вышел на цыпочках, вытолкав заодно и парня в бабочке. Дудкин утолял голод с жадностью человека, не евшего неделю. При этом он не забывал подливать себе вина из высокой бутылки, которое оказалось неожиданно крепким. Дудкин заметил, что как-то скоро и неприлично опьянел. Тесная комната вдруг начала вращаться вокруг него, точно ярмарочная карусель. Вдобавок начал темнеть свет. Он сделался настолько тусклым, что Дудкин едва мог рассмотреть собственные руки, которые, кстати, совсем его не слушались. Дудкин разбил бокал, уронил на пол бутылку, попал локтем в салат и наконец понял, что с ним творится что-то неладное. Опираясь ладонями о край стола, он с трудом поднялся. Пол вырывался из-под ног. Перед глазами неслись какие-то огненные точки. Дудкин почувствовал себя совсем плохо. Он попытался шагнуть к двери, позвать на помощь, но тут же потерял равновесие и с грохотом рухнул на пол, ударившись головой о дверной косяк. Больше он ничего не помнил.

Глава 4

Желто-синий автобус медленно развернулся перед зданием автобусной станции, сокрушенно вздохнул и остановился. Зашипели и лязгнули дверцы. «Каменка, граждане!» – через микрофон объявил водитель. Снаружи лил дождь.

Сквозь залитые водой стекла полковник Крячко пытался рассмотреть место, куда они попали. Пейзаж за окном был похож на акварельный рисунок, выполненный смелыми, но не вполне вразумительными мазками. Высокие деревья возле автостанции гнулись под порывами ветра.

– Куда ты меня привез, Лева? – трагически пробормотал Крячко. – Мне помнится, разговор шел про какой-то юг. Я, конечно, тогда немного выпил, но не до такой же степени, чтобы не различать стороны света.

– Не журысь, Стасу, – шутливо сказал в ответ Гуров. – Говорят, такая погода продержится еще неделю, а потом наступят райские денечки.

– Ну естественно! – с обидой заметил Крячко. – Как раз, когда мы будем паковать чемоданы. А я-то размышлял – ласковое море, шоколадные девушки... Сам собирался загореть как негр! А теперь придется возвращаться бледной спирохетой. Представляю, как будет ехидничать Петр. По его понятиям, мы с тобой даже пару недель на морском песочке не заслужили. Не бережет он кадры, вот что я тебе скажу!

– И все-таки он согласился на эту затею, – напомнил Гуров. – Отпустил же. Правда, если бы не Мария, перед которой он преклоняется, вряд ли его растрогала бы эта киношная трагедия.

– Не-е-ет! Мария тут ни при чем, – убежденно заявил Крячко. – Он наверняка знал, какая тут погода, потому и согласился дать нам с тобой отпуск. Решил посмеяться над старыми и больными людьми.

– Кончай трепаться, – улыбнулся Гуров. – Выходить нам пора. Не в автобусе же сидеть.

– А зонт ты случайно не захватил? – тоскливо спросил Крячко.

– Увы, – ответил Гуров. – На юг же ехал.

Они поднялись и направились к выходу. Последние пассажиры покидали автобус и бегом устремлялись кто в здание автовокзала, кто на стоянку такси, где мокли два-три частных автомобиля с шашечками. Пока Гуров с Крячко получали свои чемоданы из багажного отсека, все такси были разобраны. Площадь опустела, и только полосы непрекращающегося дождя шествовали по ней, точно призрачные парадные колонны. Чертыхаясь и отплевываясь, Крячко устремился к автовокзалу. Объемистый чемодан бил его по колену.

– Что ты все-таки в чемодане-то везешь? – спросил Гуров, когда они наконец оказались под крышей. – Всегда налегке, а тут затарился как на Северный полюс. На тебя не похоже.

– Я на море собрался, – утирая мокрое лицо, сердито сказал Крячко. – В пучины нырять, по бульвару прогуливаться. Ласты вот взял, маску... Костюмчик с иголки.

– Ты в ластах, что ли, по бульвару прогуливаться будешь? – удивленно спросил Гуров.

– Теперь придется, – огрызнулся Крячко. – Если такой потоп будет продолжаться, я еще и маску надену. Ну а вообще у меня там сухой паек, Лева. Края незнакомые, дорогие. Вот я и подумал, что надо на жратве экономить. Чтобы на другие удовольствия хватило.

– Не думаю, чтобы здесь было много удовольствий, – покачал головой Гуров. – Посмотри в окно. И потом, мы сюда по делу приехали.

– Знаю я эти дела, – сказал пренебрежительно Крячко. – Хочешь знать мое мнение? Смысл этот Дудкин! Смазал лыжи. Перевел значительную сумму в оффшор и бежал с тонущего корабля как крыса.

– Была и у меня такая мысль, – подумав, признался Гуров. – Но Мария уверяет, что такое невозможно. Мол, этот Дудкин – одержимый. Фанат кинематографа. Деловая жилка в нем всегда проигрывает творческой – отсюда и все его невзгоды. Но на предательство он не способен. Так сказала Мария, а я не стал спорить. Я-то этого Дудкина совсем не знаю.

– Твоя жена – святая женщина, – заявил Крячко. – Поэтому ей трудно понять, как другие люди могут быть проходимцами. А ведь в нашем случае такой вывод просто напрашивается. Я бы даже сказал, он вполне естественен. Ну что еще делать банкроту, как не бежать? Я бы лично сбежал.

– Тебе виднее, – сказал Гуров. – Но мы все-таки сначала попробуем поискать Дудкина в Каменке. Тем более что последний раз Дудкин звонил именно оттуда. Междугородка врать не будет. К сожалению, никто из его людей не знает, почему именно Каменка. Говорят, что никаких связей с этим городом у «Мегаполис-фильма» не было. Значит, это что-то личное. И отсюда следующий вопрос – где Дудкин остановился? В гостинице? Или на частной квартире?

– По-моему, речь шла о гостинице, – недоуменно сказал Крячко. – Ты же сам вроде...

– Верно, Плескалов говорил, что Дудкин остановился в гостинице. Но это еще надо проверить. Если у Дудкина имеются здесь какие-то связи, он вполне мог перебраться на частное жилье.

– Надеюсь, мы начнем с гостиниц? – с надеждой спросил Крячко. – Хочется наконец обрести сухой угол, где я смогу без помех проверить свой сухой паек.

– Я тоже так думаю, – согласился Гуров. – Только паек мне представляется сейчас горячим. Возможно, даже с добавочным подогревом.

– Да? – расплылся в улыбке Крячко. – А это мысль! Все-таки не зря тебя назначили главным, Лева! Ты умеешь зажечь коллектив! Значит, вперед?

– Пожалуй, – сказал Гуров, всматриваясь сквозь потоки дождя в серый пейзаж за окном. – А вон, кстати, такси подъехало. Надеюсь, нас отвезут в какое-нибудь приличное место?

Они выскочили из здания и бегом бросились на стоянку. Водитель, предусмотрительно экипированный в кожаную куртку и такую же кепку, понял все с полуслова и заранее открыл багажник. Побросав чемоданы, Гуров и Крячко поспешно запрыгнули в машину. С них текло.

– Считайте, что лечебную ванну приняли! – с усмешкой сказал таксист, поджарый и ловкий человек с кошачьими повадками и лицом гангстера. – На юг ведь за чем ездят? Курорты, водные процедуры... Так вам особенно повезло – воды нынче навалом!

– Нас не вода сейчас интересует, уважаемый, – заметил Крячко. – Нам бы в гостиницу. Какая у вас тут самая приличная и недорогая?

– А любая! – ответил таксист. – Потому что она одна на весь город. Гостиница «Южная». Собирались строить еще одну, современную, какой, говорят, и в Сочи нету, но то ли деньги украли, то ли еще что, и не построили. Некоторые ловкачи частные гостиницы наладились открывать, но им по рукам быстро дали. Потому что какой смысл? Когда частник квартиру сдает, он всегда закон нарушает. Значит, его всегда пощипать можно. А если он официально это делает, коленкор уже другой. Конечно, тут его тоже можно – налогами да штрафами, но как раз на этом этапе это начинание благополучно и скончалось. Дешевле в коридоре койку сдавать, чем отели возводить. Да, по правде сказать, и отдыхающих у нас тут не больно много – берег у нас не самый подходящий, и опять же сервис... Нынче отдыхающий богатый, любит, чтобы за деньги ему в задницу дули, а у нас не так... Ну, значит, в «Южную» едем?

– Значит, едем! – кивнул Гуров. – Мы с товарищем, к сожалению, небогаты, поэтому привередничать не будем.

– Издалека приехали? – поинтересовался таксист, запуская двигатель.

– Бывают места и подальше, – хохотнув, ответил Крячко. – А что, в вашей гостинице ресторан имеется?

– Как же без ресторана? – рассудительно заметил водитель. – Но если есть желание посидеть культурно, рекомендую «Колхиду» – там у нас вся, как говорится, элита собирается. От гостиницы недалеко – всего два квартала. Оркестр играет, пальмы, да и кухня приличная.

– Спасибо за информацию, – сказал Крячко. – Обязательно проверим приличную кухню. А как у вас тут с преступностью? В смысле, в общественных местах можно спокойно себя чувствовать? Например, в той же «Колхиде»? По котелку нам там не настучат, случайно?

Таксист с юмором покосился на него и ответил:

– Да вроде не похоже, чтобы вам так запросто можно было настучать. Я бы, например, не рискнул, хотя в молодости любил подраться, был грех. Хотя вообще-то у нас тут ухо остро держать надо. Городок тихий, но по окраинам одному лучше не лазить – и настучать могут, и еще чего похуже.

– В самом деле? – заинтересовался Гуров. – Похуже – это как?

– Да вот, например, дней пять назад был случай, – сказал водитель. – На улице Строительной женщину в собственном доме зарезали. Насмерть. Что характерно, ничего не взяли. Значит, на почве интимных отношений, я так думаю. Народ у нас южный, горячий... Хотя в городе говорят, что вроде бы эту бабу не местный замочил. Со мной один водила работает – так вот он в тот день на Строительную мужика возил – приезжего, между прочим. Говорят, теперь этого мужика милиция всюду ищет.

– Постой, а откуда твой водила знает, что тот приезжий? – спросил Крячко.

– Ну, у нас, у таксистов, глаз наметанный, – с чувством превосходства сказал шофер. – А во-вторых, Володька его как раз из «Южной» забирал – оттуда вызов поступил.

Гуров и Крячко переглянулись. Таксист рассказывал любопытные вещи, но углубляться в подробности Гуров пока не спешил – излишнее любопытство могло насторожить этого человека.

– А у вас большой таксопарк? – спросил Гуров.

– Да какой там таксопарк! – пренебрежительно сказал таксист. – Таксопарк давно развалили. У нас теперь рынок. Три конкурирующие фирмы. По десятку машин в каждой. Пробавляемся кое-как...

– Значит, на хозяина работаете? – спросил Гуров. – Или у вас коллективное руководство?

– На хозяина, – неохотно пояснил водитель. – Есть такой Бурмистров Степан Сергеевич. Он прежде первого секретаря горкома возил, а после, как горкомов не стало, в бизнес подался. Ну, трамплин у него был, связи – вот и раскрутился... Да надо уходить, конечно! – вдруг доверительно сказал он. – Я давно уж подумываю свою мастерскую открыть. Надоело на дядю пахать.

Такси остановилось возле четырехэтажного здания, окруженного караулом мокрых кипарисов. Водитель заглушил мотор и сообщил:

– Гостиница «Южная»!

– Быстро! – заметил Гуров.

– У нас тут все быстро, – самодовольно усмехнулся водитель. – Не успеете глазом моргнуть, а уже все позади. Так что с вас, граждане, по полтиннику за скорость.

– Не жирно будет, по полтиннику? – озабоченно спросил Крячко.

– Не, в самый раз, – серьезно сказал водитель. – Обычно с москвичей я зелеными беру, а тут по случаю дождя решил скидку сделать.

– А у тебя действительно глаз-алмаз, – похвалил его Крячко. – И сердце доброе. Мы про тебя в столице вспоминать будем.

– Мы тут все добрые, – довольно усмехнулся водитель. – Пока нас не трогают. А вспоминать придется. Дома-то вас не пожалеют. У вас, я слышал, таксист за сотню даже радио включать не станет?

– А мы дома на такси не ездим, – ответил Крячко. – Это мы здесь пыль в глаза пускаем.

– Ладно, кончайте трепаться! – вмешался в разговор Гуров и протянул водителю деньги. – Откройте багажник, пожалуйста.

Через две минуты, совершенно промокшие, Гуров и Крячко уже входили в вестибюль гостиницы. Их появление не произвело особого фурора, хотя внимание привлекло. Некий скупающий седовласый джентльмен неопределенного возраста, бесцельно слонявшийся по вестибюлю, попытался завязать с ними разговор о погоде, который довольно быстро перешел в предложение скоротать время за карточным столом – исключительно по маленькой, для развлечения. Крячко показалось, что благородную седину джентльмена он уже где-то прежде видел – возможно даже в архивах МВД, – и решительно от карт отказался, заявив, что они с товарищем еще в детстве поклялись никогда не играть в азартные игры.

– На Воробьевых горах, – пояснил он абсолютно серьезно. – Это даже в историю вошло, не слышали? Странно, а говорят, в тюрьме много читают...

Последнее невинное замечание произвело на джентльмена такое сильное впечатление, что он немедленно оставил оперативников в покое и ретировался. Гуров попросил портье подыскать им номер поудобнее.

Портье, лысый и сумрачный человек в мешковатом похоронном костюме, бывший свидетелем бегства седовласого джентльмена, помрачнел еще больше и встретил новых гостей довольно холодно. Гуров подумал, что у портье и любителя карточных игр между собой гораздо больше общего, чем можно предположить с первого взгляда, и решил сразу же держаться с этим человеком пожестче.

– Номер нам нужен двухместный, – строго заявил он. – Горячая вода, телефон, телевизор. Вид на море не обязателен.

– Сколько дней господа предполагают прожить? – скучным голосом осведомился портье.

– Для начала неделю, – сказал Гуров. – Только насчет господ слишком сильно сказано. В господа нам уже поздно записываться.

– Как вам будет угодно, – вяло отреагировал портье и раскрыл толстую книгу на стойке. – Я у вас тогда, товарищи, документики попрошу – чтобы зарегистрировать, значит.

Гуров и Крячко передали ему документы и некоторое время наблюдали, как он, высунув язык, старательно заносит в книгу их имена и данные о прописке. Когда работа подошла к концу, Гуров неожиданно спросил:

– Седьмого-восьмого мая у вас не останавливался некий Дудкин Валентин Сергеевич из Москвы? Я подумал, раз вы так дотошно ведете записи, значит, он тоже должен быть здесь зафиксирован.

– Должен, – невозмутимо проговорил портье, не поднимая головы. – Если останавливался, то должен.

– А нельзя ли уточнить? – продолжал Гуров. – Понимаете, это наш хороший знакомый...

– Уточнить нельзя, – злорадно сказал портье. – Только по официальному запросу. Частным лицам сведений никаких не даем.

Он возвратил гостям документы и хладнокровно повернулся, чтобы снять с крючка ключ от номера. Гуров вспомнил, как в детективных романах частные сыщики развязывают языки свидетелям с помощью небольших пожертвований, и с иронией подумал, что ему тоже пора перенимать соответствующие методы работы. Господин Плескалов снабдил их с Крячко довольно приличной суммой на расходы, и можно было не скупиться. Но едва только он хотел испробовать классический способ на портье, как в дело вступил Крячко.

– Ну, а если чисто по-мужски, – вдруг сказал он. – Правду говорят, что у вас тут на днях какой-то отдыхающий женщину зарезал? Вроде из вашей гостиницы человек.

У портье растерянно дрогнули веки, но он быстро справился с волнением.

– Слухами не интересуюсь, – отрезал он. – Если кого волнуют бабьи сплетни, то можно и на базар сходить. Там и не такое услышите.

– Значит, не было этого? – удивленно спросил Гуров. – Убийства, я имею в виду.

– Может, было, а может, не было, – упрямо повторил портье. – Не интересуюсь.

Желание давать пожертвования у Гурова почему-то пропало. Он молча принял ключ от номера и взялся за ручку чемодана. Однако Крячко еще успел сказать напоследок:

– Ресторан-то у вас функционирует, папаша? Или такими делами тоже не интересуетесь?

Гуров не расслышал, что пробурчал в ответ портье, – он уже направлялся к лестнице. Их номер находился на втором этаже. Крячко догнал его и сказал, понизив голос:

– Не нравится мне, Лева, этот артист! Совсем не нравится. Во-первых, врет он, а во-вторых, темная личность. Я, признаться, хотел ему сначала на лапу дать, а потом раздумал. Потому что понял: деньги он возьмет, а правды все равно не скажет.

Гуров посмотрел на него и весело расхохотался.

– Ты чего? – не понял Крячко.

– Да ничего, – ответил Гуров. – Просто мы с тобой об одном и том же подумали. Телепатия называется.

Дежурной по этажу оказалась миловидная блондинка лет сорока с родинкой на левой щеке. Звали ее Евгенией Петровной. Мокрые и голодные гости вызвали в ней почти материнские чувства, и она сразу же предложила им воспользоваться сушилкой, ванной, ресторанными услугами и прочими благами каменной цивилизации. После ледяного приема у портье забота Евгении Петровны растрогала оперативников почти до слез. Крячко даже предложил ей вместе отобедать.

– Нет, этими глупостями я не занимаюсь, – с улыбкой ответила на это Евгения Петровна. – У меня муж есть. А вот если есть какие-то предложения в смысле обслуживания...

Этот железный довод крыть было нечем совершенно, и Крячко просто жалобно посмотрел на Гурова, ища у него поддержки. Но Гуров сделал вид, что взгляда этого не заметил, и обратился к дежурной самым серьезным тоном:

– Предложения есть, Евгения Петровна. Мы в вашем городе люди новые, никого тут не знаем. А говорят, у вас тут беспокойно. Вот на днях, например, женщину якобы зарезали. И вроде из вашей гостиницы постоялец. Это правда или бабьи сплетни?

Женщина прижала к полным щекам ухоженные розовые ладони и, округляя глаза, произнесла трагическим шепотом:

– Значит, вам уже рассказали? Это правда, был такой случай! Ужас какой! И ведь не просто женщину зарезали, а директора санатория, представляете?!

– А насчет постояльца тоже правда? – спросил Гуров.

– И про постояльца правда, – с жаром сказала женщина. – Он не на нашем этаже, он на первом, в восемнадцатом номере жил. А как убийство случилось, исчез. Там Маша в этот день работала, так она, бедная, так натерпелась, что даже на больничный ушла. Всю ночь у нее на этаже милиция шуровала... А убийцу ведь до сих пор не нашли! Вещи его все изъяли, а сам он как сквозь землю провалился. А мы теперь тут по ночам боимся оставаться. Как подумаешь, кто рядом может оказаться...

– А вы сами видели этого постояльца, Евгения Петровна? – спросил Крячко.

– Раза два видела, – кивнула женщина. – Сейчас у нас клиентов мало, так что каждый новый в глаза бросается. А этот мужчина был из себя видный, никогда бы не сказала, что такой негодяй окажется.

– Ну-ка, взгляните, Евгения Петровна, – деловито сказал Гуров, доставая из кармана объемистый бумажник. – Вам случайно не знаком человек, изображенный на этих фотографиях?

Он подошел к столу и разложил на нем несколько снимков, которыми снабдил его в Москве Плескалов. Это были фотографии Дудкина, сделанные в разных обстоятельствах, в основном на каких-то приемах, банкетах и презентациях. На них продюсер выглядел весьма импозантно, победно улыбался и был слегка похож на актера Харрисона Форда в расцвете лет.

Евгения Петровна озадаченно взглянула на Гурова, робко приблизилась к столу и с большим любопытством устремила взгляд на фотографии. Вдруг она побледнела, охнула и уже знакомым жестом прижала к щекам пухлые ладони.

– Ой, граждане! – сказала она тонким жалобным голосом. – А ведь это он и есть! Посто-ялец из восемнадцатого!

Глава 5

Утренний холод стекал в распахнутый ворот, заползал в рукава, и не было от него никакого спасения. Дудкину показалось, что он лежит на краю водоема и ледяная вода медленно, но неотвратимо пропитывает его одежду и уносит последнее тепло. Он заворочался, попытался выползти из призрачной лужи и вдруг проснулся.

Никакого водоема и в помине не было. Он лежал на деревянной скамейке в каком-то сквере. Вокруг было пусто. Над его головой источал сладостные ароматы цветущий, влажный от росы куст. Цветы были белые, с продолговатыми остроконечными лепестками. Небо наполнялось розовым светом.

Дудкин попытался сесть и едва не упал со скамейки. Все плыло перед его глазами. Голова раскалывалась, точно зажатая в огромные тиски. Тошнота раз за разом подкатывала к горлу. Дудкину было очень плохо, и он не сразу смог вспомнить, что с ним произошло. Малейшее умственное усилие вызывало у него что-то вроде судорог.

Где-то рядом мирно заурчал автомобильный мотор, и через листву сквера Дудкин увидел проехавший мимо патрульный милицейский автомобиль. У него учащенно забилося сердце. Он мгновенно все вспомнил.

Вцепившись ногтями в сырое дерево скамьи, Дудкин перебирал в памяти отрывочные воспоминания вчерашнего дня, и его все больше охватывало отчаяние. Сейчас собственное положение представлялось ему абсолютно безвыходным. Подозрение в убийстве, побег от милиции и в довершение ко всему – он попался как последний лох на крючок Ашота. Сомневаться не приходилось – этот мерзавец обчистил его до нитки. Теперь даже думать нечего о бегстве. Он в ловушке – грязный, опухший и небритый, без денег, без документов, без пристанища. Лучшей приманки для милиции и не придумать. Теперь у него только два выхода – или идти сдаваться, или попытаться разыскать Аполлона. Они условились, что в восемь утра Аполлон свяжется с ним по телефону, и они договорятся о месте встречи. Скорее всего, если бы не возникло никаких непредвиденных препятствий, встреча состоялась бы у него в номере. Теперь все пошло прахом. У Дудкина не было даже часов, чтобы уточнить время.

Да что там время! Он даже не представлял, где сейчас находится. После ужина в «Малине» остался лишь черный провал в памяти без единого просвета. С ним могли сделать что угодно. Могли, например, вывезти в другой город. Спасибо, что хоть не закопали живьем на какой-нибудь свалке.

Дудкин подумал, что выбора у него теперь все равно не осталось, и решил идти куда глаза глядят. Раз он попал в такой нелепый переплет, значит, судьба не оставила ему шансов. Пусть будет, что будет. Придерживаясь за спинку скамьи, он встал и, пошатываясь, побрел по узкой аллее. Голова по-прежнему кружилась, руки и ноги дрожали как у припадного, глаза слезились. «Видели бы сейчас меня в Москве! – со странным злорадством подумал он. – То-то бы удивились, наверное». Сейчас ему были почти безразличны все его дела и проблемы. Кому все это, в сущности, надо? Вся эта мышиная возня вокруг кинокамеры, вокруг денежных мешков, кастинг, «Кодак», Канны... Ковровые дорожки победителей, белозубые улыбки, иллюзорный мир. Вот он, настоящий мир – холодный и грязный, наполненный опасностями и предельно беспощадный. Его не обманешь этими сказочками про волшебные кольца и золотое веретено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.